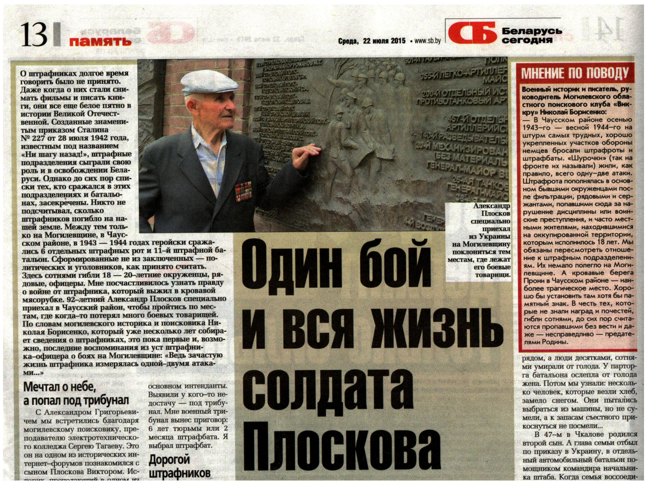
Газета «Советская Беларуссия» о поисковом отряде

Один бой и вся жизнь солдата Плоскова



Один бой и вся жизнь солдата Плоскова

О штрафниках долгое время говорить было не принято. Даже когда о них стали снимать фильмы и писать книги, они все еще белое пятно в истории Великой Отечественной. Созданные знаменитым приказом Сталина № 227 от 28 июля 1942 года, известным под названием «Ни шагу назад!», штрафные подразделения сыграли свою роль и в освобождении Беларуси. Однако до сих пор списки тех, кто сражался в этих подразделениях и батальонах, засекречены. Никто не подсчитывал, сколько штрафников погибло на нашей земле. Между тем только на Могилевщине, в Чаусском районе, в 1943 — 1944 годах геройски сражались 6 отдельных штрафных рот и 11–й штрафной батальон. Сформированные не из заключенных — политических и уголовников, как принято считать. Здесь сотнями гибли 18 — 20–летние окруженцы, рядовые, офицеры. Мне посчастливилось узнать правду о войне от штрафника, который выжил в кровавой мясорубке. 92–летний Александр Плосков специально приехал в Чаусский район, чтобы пройтись по местам, где когда–то потерял много боевых товарищей. По словам могилевского историка и поисковика Николая Борисенко, который уже несколько лет собирает сведения о штрафниках, это пока первые и, возможно, последние воспоминания из уст штрафника–офицера о боях на Могилевщине: «Ведь зачастую жизнь штрафника измерялась одной–двумя атаками...»

Александр Плосков специально приехал из Украины на Могилевщину поклониться тем местам, где лежат его боевые товарищи.

МНЕНИЕ ПО ПОВОДУ

Военный историк и писатель, руководитель Могилевского областного поискового клуба «Виккру» Николай Борисенко:

— В Чаусском районе осенью 1943–го — весной 1944–го на штурм самых трудных, хорошо укрепленных участков обороны немцев бросали штрафроты и штрафбаты. «Шурочки» (так на фронте их называли) жили, как правило, всего одну–две атаки. Штрафрота пополнялась в основном бывшими окруженцами после фильтрации, рядовыми и сержантами, попавшими сюда за нарушение дисциплины или воинские преступления, и часто местными жителями, находившимися на оккупированной территории, которым исполнилось 18 лет. Мы обязаны пересмотреть отношение к штрафным подразделениям. Их немало полегло на Могилевщине. А кровавые берега Прони в Чаусском районе — наиболее трагическое место. Хорошо бы установить там хотя бы памятный знак. В честь тех, которые не знали наград и почестей, гибли сотнями, до сих пор считаются пропавшими без вести и даже — несправедливо — предателями Родины.

Мечтал о небе, а попал под трибунал

С Александром Григорьевичем мы встретились благодаря могилевскому поисковику, преподавателю электротехнического колледжа Сергею Тагаеву. Это он на одном из исторических интернет–форумов познакомился с сыном Плоскова Виктором. Историк, преподающий в одном из

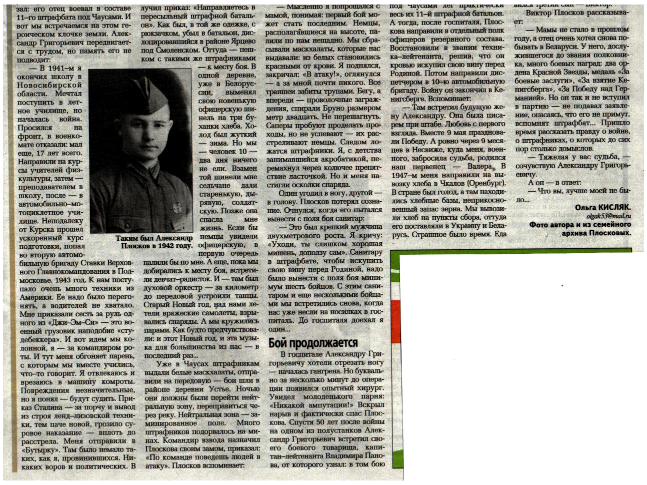
основном интенданты. Выявили у кого–то недостачу — под трибунал. Мне военный трибунал вынес приговор: 6 лет тюрьмы или 2 месяца штрафбата. Я выбрал штрафбат.

Дорогой штрафников

рядом, а люди десятками, сотнями умирали от голода. У парторга батальона ослепла от голода жена. Потом мы узнали: несколько человек, которые везли хлеб, замело снегом. Они пытались выбраться из машины, но не сумели, а к запасам съестного прикоснуться не посмели...

В 47–м в Чкалове родился второй сын. А глава семьи отбыл по приказу в Украину, в отдельный автомобильный батальон помощником командира начальника штаба. Когда семья воссоеди-

Стр.1



зал: его отец воевал в составе 11–го штрафбата под Чаусами. И вот мы встречаемся на этом героическом клочке земли. Александр Григорьевич передвигается с трудом, но память его не подводит:

— В 1941–м я окончил школу в Новосибирской области. Мечтал поступить в летное училище, но началась война. Просился на фронт, в военкомате отказали: мал еще, 17 лет всего. Направили на курсы учителей физкультуры, затем — преподавателем в школу, после — в автомобильно–мотоциклетное училище. Неподалеку от Курска прошел ускоренный курс подготовки, попал во вторую автомобильную бригаду Ставки Верховного Главнокомандования в Подмосковье. 1943 год. К нам поступало очень много техники из Америки. Ее надо было перегонять, а водителей не хватало. Мне приказали сесть за руль одного из «Джи–Эм–Си» — это военный грузовик наподобие «студебеккера». И вот идем мы колонной, я — за командиром роты. И тут меня обгоняет парень, с которым мы вместе учились, что–то говорит. Я отвлекаюсь и врезаюсь в машину комроты. Повреждения незначительные, но я понял — будут судить. Приказ Сталина — за порчу и вывод из строя ленд–лизовской техники, тем паче новой, грозило суровое наказание — вплоть до расстрела. Меня отправили в «Бутырку». Там было немало таких, как я, провинившихся. Никаких воров и политических. В

лучил приказ: «Направляетесь в пересыльный штрафной батальон». Как был, в той же одежке, с рюкзачком, убыл в батальон, дислоцировавшийся в районе Ярцево под Смоленском. Оттуда — пешком с такими же штрафниками — к месту боя. В одной деревне, уже в Белоруссии, выменял свою новенькую офицерскую шинель на три буханки хлеба. Холод был жуткий — зима. Но мы — человек 10 — два дня ничего не ели. Взамен той шинели мне сельчане дали старенькую, дырявую, солдатскую. Позже она спасла мне жизнь. Если бы немцы увидели офицерскую, в первую очередь палили бы по мне. А еще, пока мы добирались к месту боя, встретили девчат–радисток. И — там был духовой оркестр — за километр до передовой устроили танцы. Старый Новый год, над нами летели вражеские самолеты, взрывались снаряды. А мы кружились парами. Как будто предчувствовали: и этот Новый год, и эта музыка для большинства из нас — в последний раз...

Таким был Александр Плосков в 1942 году.

Уже в Чаусах штрафникам выдали белые маскхалаты, отправили на передовую — бои шли в районе деревни Устье. Ночью они должны были перейти нейтральную зону, переправиться через реку. Нейтральная зона — заминированное поле. Много штрафников подорвалось на минах. Командир взвода назначил Плоскова своим замом, приказал: «По команде поведешь людей в атаку». Плосков вспоминает:

— Мысленно я попрощался с мамой, понимая: первый бой может стать последним. Немцы, располагавшиеся на высоте, палили по нам нещадно. Мы сбрасывали маскхалаты, которые нас выдавали: из белых становились красными от крови. Я поднялся, закричал: «В атаку!», оглянулся — а за мной почти никого. Все траншеи забиты трупами. Бегу, а впереди — проволочные заграждения, спирали Бруно размером метр двадцать. Не перешагнуть. Саперы пробуют проделать проходы, но не успевают — их расстреливают немцы. Следом ложатся штрафники. Я, с детства занимавшийся акробатикой, перемахнул через колючее препятствие ласточкой. Но и меня настигли осколки снаряда.

Один угодил в ногу, другой — в голову. Плосков потерял сознание. Очнулся, когда его пытался вынести с поля боя санитар:

— Это был крепкий мужчина двухметрового роста. Я кричу: «Уходи, ты слишком хорошая мишень, доползу сам». Санитару в штрафбате, чтобы искупить свою вину перед Родиной, надо было вынести с поля боя минимум шесть бойцов. С этим санитаром и еще несколькими бойцами мы встретились снова, когда нас уже несли на носилках в госпиталь. До госпиталя доехал я один...

Бой продолжается

В госпитале Александру Григорьевичу хотели отрезать ногу — началась гангрена. Но буквально за несколько минут до операции появился опытный хирург. Увидел молоденького парня: «Никакой ампутации!» Вскрыл нарыв и фактически спас Плоскова. Спустя 50 лет после войны на одном из полустанков Александр Григорьевич встретил своего боевого товарища, капитан–лейтенанта Владимира Панова, от которого узнал: в том бою

под Чаусами лег практически весь их 11–й штрафной батальон. А тогда, после госпиталя, Плоскова направили в отдельный полк офицеров резервного состава. Восстановили в звании техника–лейтенанта, решив, что он кровью искупил свою вину перед Родиной. Потом направили диспетчером в 10–ю автомобильную бригаду. Войну он закончил в Кенигсберге. Вспоминает:

— Там встретил будущую жену Александру. Она была писарем при штабе. Любовь с первого взгляда. Вместе 9 мая праздновали Победу. А ровно через 9 месяцев в Несвиже, куда меня, военного, забросила судьба, родился наш первенец — Валера. В 1947–м меня направили на вывозку хлеба в Чкалов (Оренбург). В стране был голод, а там находились хлебные базы, неприкосновенный запас зерна. Мы вывозили хлеб на пункты сбора, оттуда его поставляли в Украину и Беларусь. Страшное было время. Еда

вился третий сын — Виктор.

Виктор Плосков рассказывает:

— Мамы не стало в прошлом году, а отец очень хотел снова побывать в Беларуси. У него, дослужившегося до звания полковника, много боевых наград: два ордена Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией». Но он так и не вступил в партию — не подавал заявление, опасаясь, что его не примут, вспомнят штрафбат... Пришло время рассказать правду о войне, о штрафниках, о которых до сих пор столько домыслов.

— Тяжелая у вас судьба, — сочувствую Александру Григорьевичу.

А он — в ответ:

— Что вы, лучше моей не было...

Ольга КИСЛЯК.
olgak53@mail.ru
Фото автора и из семейного архива Плосковых.

Стр.2